

Приезд хлебного фургона был событием для стоявших в очереди детей.

Подняв облачко сухой, прокаленной пыли, он разворачивался у магазина, подруливая к нему. Раньше, чем из кабины успевали выйти шофер и отчего-то всегда сердитый дядька в грязном, сером халате, в правом боку фургона изнутри отпиралась дверочка, и из тесного, но уютного закутка на землю выпрыгивал Ваня-грузчик. Тоже в халате, только чистом и отглаженном, в кирзовых, ладных сапожках и в кепке-восьмиклинке с пуговкой-«нахлебником».

Раскинув складные, как ширма, дверцы, он длинным железным крючком шустро выдергивал из глубины фургона деревянные, решетчатые лотки с ароматно-теплым, только что из пекарни, хлебом, метал их в обитое жестью приемное окно в стене магазина.

Но перед тем, как взяться за работу, Ваня, окинув очередь ласковым и в то же время печальным взглядом, обычно подходил в каком-нибудь мальчишке. «Ну, как живешь, брат?» - спрашивал его совсем не мужским, а с какими-то женскими, материнскими интонациями голосом, и вручал счастливцу конфету «Петушиный гребешок». Их делали в той же пекарне, откуда был хлеб.

К Ване тянули ручонки дети, стоявшие поблизости. Виновато улыбаясь, он наделял сладостями и их.

Поговорить Ване с ребятней подольше не удавалось, из кабины вылезал сердитый дядька в грязном халате, рявкал: «Иван!»

В считанные минуты Ваня разгружал фургон, швырял в него пустые лотки, прятался в свою каморку...

И для детей снова наступала смертная скука очереди. Едва ли когда-нибудь забудутся они - эти многочасовые стояния за хлебом, примета первых послевоенных лет.

Девчонкам все же было легче. Процарапав на сухой, твердой от зноя, как камень, земле осколком стекла «черту», они играли на ней в «классы», а мальчишки, которым эти девчонки забавы были не к лицу, томились, как на привязи, возле своих матерей, вспоминая недавно уехавшего доброго Ваню.

Дети не догадывались, что грузчик хлебного фургона был вовсе не мужчина. Видимо, настала пора рассказать историю этой женщины. Ее звали Татьяной. Таней.

В марте сорок пятого года на войну забрали ее мужа - Сережку Васильева, худощавого, веселого, бойкого на язык гармониста. Родителей своих Сергей не помнил, он лишился их в двадцатые годы, и с детства познакомился с колониями для беспризорников и детдомами. Закончив перед войной ФЗУ, Сергей работал токарем на военном заводе. Работник он был отменный - сметливый, неутомимый. Все, к чему ни прикасался Сергей, пело в его руках. Цеховой мастер, старик Тимофеич - первые недели наставник Сергея в токарном искусстве - полюбил его, как родного. В сорок первом году, в самом начале войны, у Тимофеича погибли два сына, и он от души бывал рад, когда Сергей заходил навестить его, посидеть за чашкой чая, поиграть на гармошке.

Жил Тимофеич с женой в коммунальной квартире - пятеро человек на кухне. Как-то в начале февраля Сергей вышел на кухню за самоваром и увидел девушку. Слабый свет от замерзшего окна падал сбоку на ее милое, ясное лицо. Девушка только что принесла белье с чердака - кухню наполнял свежий, бодрящий запах морозного белья. Услышав шаги, она взглянула на Сергея и, тряхнув большой пушистой косой, сказала приветливо:

- Так вот что за гармонист у нас объявился. Сергей, смутившись, не нашелся, что ей ответить.

Так познакомились Сергей и Татьяна, полюбили друг друга. Гармонь теперь чаще пела в комнате Тани. Вскоре они поженились. Свадьбу справили скромную, шибко-то разгуляться не на что, да и как-то совестно пировать, когда еще грохочет война.

Думалось, впереди у молодых - вся жизнь. Только все обернулось иначе.

Зимой Сергей бегал на работу через реку, а в ледоход окольной дорогой по мосту. Когда лед пронесло, заработал перевоз. В одно утро, как ни бранился перевозчик, людей натискалось в лодку сверх меры. Люди лезли напролом, всем необходимо скорей попасть на тот берег.

Мутная, стремительная река несла желтые куски прибрежного льда, смытый с берегов весенний сор - ветки, доски, клочья сена. На середине реки инвалид-перевозчик не совладал с течением, перегруженную лодку развернуло и понесло. Люди вскочили в тревоге, лодка качнулась, чуть не зачерпнула воды. Не растерялся один Сергей. Решительным окриком приказав всем молчать и не двигаться, он сел на место перевозчика и со всей энергией молодых сильных рук ударил веслами.

Лодка причалила к другому берегу значительно ниже обычного места. Хорошо зная, чем грозит опоздание на работу, Сергей бежал на завод, не жалея себя. И все-таки опоздал на 15 минут.

Порядки в те годы были суровые, жестокие, как и сама война. Начальник цеха написал рапорт, с Сергея сняли бронь, он получил повестку из военкомата, и спустя неделю его уже не было в городе.

Прощаясь с Таней у ворот сборного пункта, который размещался в бывшей церкви, он сказал ей:

- Не забывай меня.

Сергея увезли, Таня стала ждать от него писем. И письмо пришло - треугольничек, свернутый из тетрадной страницы, со словами любви и приветия, с известием, что подготовка в учебном полку заканчивается, не сегодня-завтра - отправка на фронт.

Наша армия готовилась к штурму вражеской столицы. Все понимали: близится конец тяжким страданиям. Скоро придет на нашу улицу победный праздник. Сама природа радовалась этому. Задолго до майских дней выпустили клейкие листочки тополя, оделись прозрачной зеленой кисеей березы. Девушки ходили в легких платьях.

В воскресенье подружки позвали Таню на базар, купить семечек - неказистого военного лакомства.

У входа на базар изо дня в день отирался грязный, оборванный нищий - предсказатель судьбы. Из висевшего у него на груди продолговатого ящичка высовывала хитрую мордочку жирная морская свинка, поводила бесцветными усиками. Таня, всегда опасливо ежась, проходила мимо нищего, а сегодня не вытерпела и посмотрела в красные, как будто кровавые глазки ученой животины.

На рынке шумела женскими голосами толпа. Люди что-то продавали, обменивали, торговались, спорили. Порой в толпе возникала фигура пленного немца из лагеря, находившегося за городом. Его сторонились и, оглядываясь, что-то шептали вслед.

Купив семечек и задумавшись о муже, Таня шла по рынку, догоняя подруг. Как вдруг Сергей окликнул ее. Тихий зов, полный смертельной муки, повелел сзади.

Похолодев, Таня выронила кулек с семечками и обернулась. Посторонние, равнодушные

лица мелькали перед глазами. Испуганно озираясь, Таня посмотрела в небо, вокруг себя и неожиданно жуткая, от макушки до пяток, дрожь, словно от удара, сотрясла ее.

Таня рухнула у овощного магазина на скрипучий ящик, отирая проступившую на лбу испарину. К просыпанным семечкам слетелись голуби, отталкивая друг друга, жадно клевали их.

Таня с трудом добрела до дома, села на балконе над крыльцом и, не шелохнувшись, просидела весь день и всю ночь в бессонной думе. Она чувствовала, почти знала, что с Сергеем что-то случилось, скорее всего он убит, но никак не могла объяснить себе, почему она это знает.

Таинственная сила любви принесла Тане на своих крыльях последний вздох ее любимого. В те мгновения, когда она шла по базару, осколок вражеского снаряда скосил Сергея. Упал солдат на землю и в предсмертной тоске коченеющими, уже непослушными губами шептал дорогое имя.

Назавтра на работе с Таней произошло несчастье. В станок забрало ее руку и отдало ей два пальца. Произвели обычное в ту пору расследование, но факта умышленного членовредительства не обнаружили.

Когда закончилась война, в первые мирные дни Тане принесли похоронку на Сергея, оборвавшую последнюю надежду. Таня восприняла похоронку угрюмо-спокойно. Даже не заплакав. Она выплакалась тогда ночью на балконе. Но именно с похоронки, которую вместе с единственным письмом Сергея и листком календаря Таня берегла до конца своих дней, произошла в ней душевная перемена. Она так любила Сергея, что не могла жить без него. Таня решила отказаться от самой себя, желая хотя бы внешне походить на него. Ей верилось, что так хоть какой-то частицей он будет с ней, и они не расстанутся, будут вместе, заодно.

Мать умоляла ее не переживать так сильно, не губить себя. Но Таня вынула сережки из ушей, остригла коротко волосы, обрезала ногти и переоделась в мужскую одежду. Она пробовала даже научиться курить, однако не смогла перебороть отвращение к табачному дыму. На заводе, с искалеченной рукой, работы для нее не нашлось. Недолго поработав уборщицей в госпитале, она потом определилась на мужскую работу - грузчиком в магазин. Конечно, сначала было трудно, да она втянулась. У Тани изменились походка, жесты, повадки стали мужскими. Только голос выдавал ее.

Дети, ставшие к ней и не знавшие ее настоящего имени, прозвали ее Ваней, это имя подхватили взрослые. Так и повелось - Ваня да Ваня.

Только женщины в очереди у хлебного магазина знали правду, но не открывали ее детям.

С той поры миновало много лет. Молодые победители, отстоявшие в боях Родину, состарились, у многих из них уже внуки - солдаты, а кое-кто и поумирал от ран и болезней.

Постаревшая, седая Таня давно на пенсии. По-прежнему живет она в деревянном доме, в той комнате, из которой ушел в последний славный путь ее муж. Как-то незаметно для себя она вернулась к своему естественному женскому облику, и ныне мало кто помнит, что некогда она была Ваней-грузчиком.

В изголовье ее вдовьей койки чуть пониже бумажных иконок Спасителя и блаженной Ксении в фанерной, выпиленной лобзиком рамочке висит старая фотография Сергея.

А весенней порой, когда начинают одеваться листвою деревья, зацветать цветы, а в садах петь птицы, видится иногда ей молодой боец.

Вот идет он с винтовкой по полю. Буйный ветер сорвал с головы его пилотку, и треплется, бьется по ветру русые Сережины кудри, так недолго знавшие женскую ласку. На другом краю поля черная стена. От неба до земли тьма. «Не ходи, Сереженька», - хочет крикнуть Таня, да слова не идут с губ. Он должен идти туда. Он входит, и вот нет его, не будет уже никогда и только рвется, летит из тьмы к ясному небу крик:

- Таня-а-а-а!

И полвека спустя слышен любящей женской душе этот крик. И плачет, проснувшись апрельской ночью, Таня, верная жена, кроткая русская женщина.